

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

Москва

11 МАЯ 1979

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

Михаил КОЗАКОВ:

ОТКРЫТЬ СВОЮ ЗВЕЗДУ

— Михаил Михайлович, ваш телефильм «Безымянная звезда» вызвал горячий отклик у зрителей. Но вместо жанра романтической мелодрамы, к которой тяготеет это произведение, вы выбрали жанр трагикомедии. С чем это связано?

— Трагикомедия — жанр очень подвижный внутренне. Трагикомедия не позволяет образам застыть под однажды определенными масками, требует их развития, острого, порой парадоксального поворота новыми, неожиданными сторонами. Причем неожиданность эта диктуется не сюжетными перипетиями, а психологическим богатством содержания. Вот, например, Марин Мирою: мальчик-очкарик в чопорной, какой-то пасторской одежде, человек с мышонком и лейкой вместо душа, объект насмешек девчонок-старшеклассниц...

Но вот он начинает говорить о том, что его волнует, интересует, — и выясняется, что он талант и умница. Актеру предоставляется возможность сыграть некое иное качество своего героя — глубинность, увлеченность проблемами космических миров. Или Мона... Ее принято было представлять действительно эдакой «звездой», существом, сотканном из благородных материй. А я подумал: позвольте, позвольте... Такая уточненная, благородная, изысканная, а как же это она ничего о Копернике не слышала? В городишке Мирою уже семиклассники все этакое проходят... А может, она и в школе-то толком не училась? Так стал вырисовываться образ Моны — дамы полусвета. И что интересно, именно такая Мона оказывается в состоянии понять Марину, оценить его незаурядность. Оказывается, и в

ней подспудно жила жажда прикоснуться не к науке, конечно, но к поэзии, которой в ее суетной, бестолковой жизни не было. И это их объединило.

— Но появляется человек в красной машине — Григ. Эту роль вы решили сыграть сами. Что вас в ней привлекало как актера?

— Опять-таки возможность в рамках трагикомического жанра сыграть не шаблонного «супермена», а человека сложного, в чем-то неожиданного. Сначала ведь и вправду кажется, что Григ — «супермен» — ироничный, властный, уверенный в себе. По-моему, если бы Мона изменила ему с кем-то из его приятелей, он просто вышвырнул бы ее на улицу. Но вот Григ понимает, что, несмотря на убогую мебель, лейку вместо душа и нищенское жалование, Мона нашла в Марине нечто такое, чего она не могла и никогда не сможет найти в нем, Григе. Григ добился своего, растоптал это чувство, но в каком-то смысле это пиррова победа.

— Почему же все-таки именно пьеса Себастьяна заинтересовала вас сегодня?

— Если уж быть точным, то не только «сегодня и сейчас». Мой «роман» с «Безымянной звездой» начался 23 года назад, в 1956 году, когда она была напечатана в журнале «Иностранная литература». Нам со сценаристом А. Хмеликом очень хотелось, чтобы по окончании фильма зрители сочувствовали Марину, но жалели все-таки Мону и даже Грига.

— Вы человек широкого творческого диапазона: актер театра, кино, телевидения, в последнее время занялись режиссурой. И в связи с этим следующий вопрос: наверное, вы обратили внимание на то, что в последнее время в нашей прессе появилось много статей, посвященных проблеме актера и, в частности, такому ее аспекту, как актерская занятость?

— Не только обратил внимание, но и очень внимательно прочел эти статьи. Проблема занятости? Наверное, она существовала всегда, но, конечно, видоизменилась. Хорошо ставить в пример нам великих актеров прошлого, интересы которых были целиком сосредоточены на театре. Что поделать, не было тогда телевидения, да и радио, и кино не слишком-то давно появились. Но ведь и у тех актеров были гастрольные поездки, да еще какие длительные и утомительные! Они также выступали с кон-

цертной эстрады. У Качалова, например, было около 30 чтецких программ. И, я думаю, всегда страдали те, кто играл мало, и жаловались на усталость те, кто играл много.

Но, конечно же, сегодня эта проблема предстала в совершенно новом качестве в связи с широким развитием так называемых средств массовой коммуникации. И в тех статьях, которые я прочел, заключена большая доля истины. Правильно поднимается вопрос о всеядности актеров, об их неподготовленности к ролям. И вообще в этих статьях много верного, когда речь идет о том, что актеры зачастую берутся за что попало, что те, чьих выступления еще вчера ждали с нетерпением, сегодня примелькались, потому что играют на старых штампах, в ролях явно проходных, ничего не дающих ни самому актеру, ни зрителю. Так что же, ограничить надо актера? Наверное, все надо решать индивидуально и по отношению к каждому из нас.

Я работаю много и вижу в этом великое счастье. И это, наверное, нормально — находить счастье в том деле, которым занимаешься. Уже не раз приводил я в своих выступлениях фразу Александра Блока: «Все, что человек хочет, непременно сбывается. А если не сбывается, то и желания не было. А если сбывается не то, — разочарование только кажущееся: сбылось именно то...» Эта фраза стала как бы моим жизненным девизом.

Не боюсь этого слова, я вполне сознательно строил свою творческую судьбу. Складывал ее не по принципу, где больше платят и какой театр академичнее, а по принципу моей творческой потребности.

— Что лично для вас является критерием, когда вы соглашаетесь принять участие в той или иной работе?

— В первую очередь хорошая, а еще лучше — отличная литературная первооснова. Главное — не идти на заведомую халтуру, на серенький материал. Надо сказать, что в основе моих работ последних лет литературные первоисточники очень разные: от Толстого и Шекспира до Лабиша. Сам материал требует от меня, как от актера, разнообразия, а не тиражирования себя.

— Вы сказали, что готовились к «Безымянной звезде» долгие годы. А каков ваш обычный метод работы?

— Лично для меня длительная предварительная

подготовка — принцип, особенно в тех работах, которые задумываю сам. Но, конечно, не обязательно двадцать с лишним лет... Однако, например, «Смерть Ивана Ильича» Толстого готовил три года, прежде чем решился записать.

— Но ведь бывает, наверное, когда что-то делается сразу?

— Лишь в том случае, если попадешь на удивительно «свой» материал. Чаще всего это работы-миниатюры, как, например, маленькая телепередача о Паоло Веронезе. Я люблю живопись этого художника, меня волнует его судьба, и поэтому мне легко было войти в эту передачу.

Только пусть меня правильно поймут: я совершенно далек от мысли, что все, что я делаю, — получается у меня безукоризненно или даже просто хорошо. Бывает всякое: и неудачи, и разочарования...

— Но при таком большом объеме работы неизбежно возникает вопрос распределения сил и времени.

— А давайте снова вернемся к фразе Блока: «А если не сбывается, то и желания не было...». По-моему, весь вопрос тут в наших желаниях. Чтоб заниматься своим делом с полной отдачей, конечно, от очень многого приходится отказываться, и часто от вещей интересных и заманчивых, а не просто от чепухи и халтуры. Да и задушивается многое, а реализуется далеко не все. Не хватает времени ходить на выставки, смотреть работы товарищей в других театрах, по телевидению, в кино.

— Не могу избежать традиционного вопроса: планы на будущее?

— Их много. Назову только самое заветное. В театре работа в двух спектаклях, один — «Лунин» Эдварда Радзинского, который ставит главный режиссер нашего театра А. Дунаев, второй — инсценировка по «Мертвым душам» Гоголя, ее осуществляет Анатолий Эфрос. На телевидении — фильм-концерт «Многоликий Дон Жуан», композиция по произведениям Тирсо де Молина, Мольера, Пушкина, Байрона, Шоу и нашего с вами современника Давида Самойлова. В 1980 году приступаю к съемкам фильма «Пиковая дама» по Пушкину. А если говорить о чтении стихов, то мечта моя сделать диск «Я Франсуа Вийон» — о поэзии и судьбе этого французского поэта.

Беседу вела
О. ГАРИБОВА.